

Joanna Tarkowska

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej

**ЛИКИ ДЕТСТВА И ПРОБЛЕМА SACRUM/PROFANUM
В ПРОЗЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ
(РАССКАЗ ВТОРОГО МАРТА ТОГО ЖЕ ГОДА...)**

**The Image of Childhood and the Problem of *Sacrum* and *Profanum*
in Narration of Lyudmila Ulitskaya
(the Short Story *Второго марта того же года...*)**

ABSTRACT: The aim of this article is the analysis and interpretation of the image of the main character in Lyudmila Ulitskaya's short story *Второго марта того же года ...* in context of her belonging to sacrum of family life which stands in opposition to profanum of Stalinist reality. The analysis focuses on semantic background created by the author which encompasses classic literary and biblical motifs. In this context, the character of Lilia Zyzmorska is presented as a benchmark of both totalitarian profanum and rebellious entity which, in contrast to classical model ("little man"), is able to overcome her "littleness" in the name of the right to live and the right to preserve national pride.

KEYWORDS: postmodernism, little man, sacrum and profanum, physical maturity, totalitarianism

Творчество Людмилы Улицкой, причисляемое к постмодернизму¹, заодно и к неосентиментализму², олицетворяет собою запись особой духовной атмосферы культуры конца XX века. Согласно определению М. Эпштейна³, опыт прошлого века доказал бессмысленность и опасность претензий на обладание истиной, научил не разделять, а объединять. В данном контексте проза автора

---

¹ См. Л. Нефагина, *Русская проза конца XX века*, Москва 2003, с. 93–94.

² См. М. Золотоносов, *Чувствительность с приставкой «нео»*, „Московские новости” 1993, № 6; Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий, *Современная русская литература: В 3 – томах*, т. 3, Москва с. 83–86 и др.

³ См. М. Эпштейн, *Постмодерн в России: Литература и теория*, Москва 2000.

Сонечки является вполне репрезентативной для нового, постмодернистского неосентиментального мировосприятия и, в связи с этим, типа искусства неагрессивного, способствующего объединению до сих пор различных мировоззрений, не навязывающего никакой идеологии, несущего объединительное начало, примиряющего различные взгляды и заменяющего борьбу – диалогом. При этом нетрадиционность художественного сознания писательницы проявляется в склонности к типично постмодернистскому заигрыванию исторической, культурной и литературной традицией. В связи с этим, в ее текстах не только заново оживают, но и по-новому прочитываются культурные мифы, а также классические темы и фигуры. Поэтому целью данного исследования является анализ образа главной героини одного из произведений Улицкой в контексте ее причастности к миру семейного и национального *sacrum* и в оппозиции к *profanum* сталинской реальности, учитывающий ту вереницу смыслов, которая выстраивается благодаря использованию автором как литературных, так и библейских мотивов и сюжетов.

Итак, в рассказе *Второго марта того же года...* (1989) героиней оказывается „униженная и оскорбленная” девочка, которая, в какой-то степени, является префигурацией классического „маленького человека”. Естественно, образ Лили Жижморской – это не эффект непосредственных аналогий, но скорее авторская попытка заново „прочесть” недавнее прошлое путем использования не только некоторых, упомянутых выше, элементов реалистического кода (естественно имеются в виду *Повести Белкина* Пушкина, *Шинель* Гоголя, *Бедные люди* Достоевского, *Смерть чиновника* Чехова и др.), но и глубоких внутрикультурных смыслов наиболее близких Улицкой как русской православной еврейке.

Таким образом, нашей задачей будет не столько исчерпывающий анализ намеченных соотношений (поскольку мы укажем лишь на некоторые сходства и различия между классическим образцом „маленького человека” и его новым интертекстуальным постмодернистским воплощением), сколько анализ только тех аспектов, которые касаются оппозиции *sacrum* и *profanum*.

Как известно, в упомянутых выше классических произведениях точно определены как характерные признаки устоявшегося литературного типа (заурядная внешность, возраст от 30 до 50 лет, ограниченные умственные способности, убогое жилище, конфликт с высокопоставленным лицом или обидчиком, крушение жизненной мечты, стихийный бунт, трагический исход), так и основная причина художественного конфликта, т.е. отношение человек – государство. Именно последнее и составляет, как доказывает Улицкая, тот сверхвременной фактор, который имплицитно рождает определенного типа героя. Однако, в отличие от классического варианта, незрелость мышления и поведения „маленького человека” и отсутствие зла, в героине напрямую оли-

цветворяется в рассказе *Сонечка*, поскольку она на самом деле „маленькая”, это почти еще ребенок (она в подростковом возрасте). Точно так же, именно в лице Лили Жижморской воплощается провозглашаемое как классиками, так и Улицкой, его (т.е. „маленького человека”) право на жизнь для себя, на особый „эгоизм”, утверждение „частного” человека, его „мелких”, лишь для него имеющих значение чувств и мыслей среди пошлого и жестокого мира. Вышесказанное напрямую относится и к неосентиментальной манере автора рассказа, которую, согласно исследователям⁴, следует воспринимать как протест против высокопарности социалистического классицизма с ее специфической концептуальной сложностью, поскольку ей не свойственно ни „нравоучительное (...) отчаянье великих русских”, ни жестоко-оптимистический соцреализм „великих советских”. Видимо поэтому, т.е. благодаря новой сентиментальности Улицкой на страницах рассказа выстраивается новый тип маленького человека.

Его функция принципиально изменилась по сравнению с гоголевским Акакием Акакиевичем и, как ни странно, его постмодернистская трактовка совпадает с той, которая излагалась Лидией Гинзбург еще в 50-х годах прошлого века, констатировавшей, что в нем „поколение узнает свои страдания. Это – всеобщность нищеты и бездомности, всегдашней смертной угрозы и полицейского запрета, хлеба насущного и любви, отчаянно цепкой и все-му противостоящей”⁵. В данном контексте персонаж Лили Жижморской, с ее еще детским сознанием, оказывается моделью для автора чрезвычайно продуктивной, способствующей изображению типа конфликта гоголевского по своему генезису. Как для Акакия Акакиевича, так и для нее заведомо опасны повседневные, рутинные контакты с миром, враждебное давление которого на *sacrum* ее упорядоченного, семейного круга исходит от *profanum* „благоустроенного государства”, при чем ее наивность не позволяет осознать истинную угрозу, нависшую над ней и ее домом. Поэтому тем более болезненным оказывается для героини столкновение с проявлениями этически грязной, советской имперской государственности в школьной среде, а также в семье. Мотивы преследований и арестов в рассказе переплетаются с сюжетами судеб ее близких, несмотря на то, что передаются как бы мимоходом, путем недомолвок и недоговорок. Однако в концепции Улицкой о сложности образа детского „я”, как своеобразного постмодернистского проявления „маленького человека”, решает не только факт, что жизнь девочки и ее родных показана

---

⁴ См. М. Золотоносов, *Чувствительность с приставкой «нео»*, „Московские новости” 1993, № 6, с. 58.

⁵ Л.Я. Гинзбург, *Литература в поисках реальности*, Ленинград 1987, с. 285.

на фоне событий связанных со смертью Сталина, но и то, что речь идет о русской еврейской семье.

Похождения Лили оказываются поводом как для рассуждений исторического (о судьбах евреев в сталинскую эпоху), так и культурно – этического характера (вопрос о еврейской традиции). Данный авторский прием способствует тому, что категория „маленький” значительно расширяется и вместо „человек – ребенок” имплицитно приобретает квалификацию „народ”, принадлежащую к семантическому кругу *sacrum*, поскольку судьба Лили и ее семьи является вполне очевидным интертекстуальным, художественным олицетворением извечных, намеченных еще в Ветхом Завете, коллизий „*sacrum – profanum*”, „добро – зло”, „вечное – преходящее”, „народ – власть” и т.д. Парадоксальным образом об особом значении последнего члена указанной оппозиции свидетельствует то, „чего нет” уже в заглавии рассказа, а что скрыто под загадочной датой. Только однажды авторская ирония эвфемистически отсылает читателя к имени Сталина: „Было всего лишь первое марта, и руль непотопляемого корабля не выпал еще из рук *Великого Кормчего*”⁶. Это не единственный на уровне структуры рассказа прием, позволяющий ощутить глубину народного страха перед тоталитарной властью. На протяжении всего текста именно в произнесенных словах и недомолвках заметно присутствие тирана, предстоящего наподобие того, имени которого также не произносят вслух, чтобы не призывать Зла.

Тем не менее, в анализируемом тексте, в мире советского *profanum*, изобилующем преследованиями и арестами, сохраняется понятие „народ”, которое все отчетливее отделяется рассказчиком от „советского” контекста, обогащаясь глубокими онтологическими и культурными смыслами, которые нашли отображение в похождениях Лили и судьбах ее еврейской семьи. Это неслучайно и связано с общей тенденцией свойственной большинству текстов Улицкой, пытающейся представить младшее и старшее поколения еврейских героев своих рассказов (напр., из циклов *Бедные родственники*, *Девочки*, *Детство 49* и др.), как носителей особой правды о мире. Также и здесь образ еврейской семьи и ее судьба олицетворяют собою не только трагедию всей России в сталинскую эпоху, но и драматическую историю еврейского народа, как извечно преследуемого другими носителями *sacrum*, народа странника и богоносца, и поэтому с еще большей преданностью хранящего правду о Всевышнем и родную традицию. Ее прямым олицетворением является прадед героини Аарон, имя которого отсылает читателя к родоначальнику священства, пророка, одного из важнейших героев *Торы*. Пожилой возраст и смертельная

---

⁶ Л. Улицкая, *Второго марта того же года...*, [в:] *Рассказы*, Москва 2009, с. 210. Здесь и далее фрагменты текста приводятся по этому же источнику с указанием страниц в скобках (Й. Т.)

болезнь парадоксальным образом способствуют тому, что он обретает статус самой свободной личности в семье. Он функционирует как бы вне времени и таким образом не озабочен ни политической обстановкой, ни тем более повседневной суетой. Это праведник родом из прошлого –осколок избранного племени, хранящий в своей памяти воспоминания и легенды об истории древнего народа.

Неслучайно в рассказе в равной степени экспонируется его привязанность к религии, древней традиции, а также то насколько сильно она влияет на воображение и самосознание юной героини: „И старый Аарон рассказывал – то про Даниила, то про Гедеона. Про богатырей, красавиц, мудрецов и царей с мудреными именами, которые все были давно умершими родственниками, но впечатление у девочки оставалось такое, что прадед Аарон, по своей древности, некоторых знал и помнил” [194]. Ведь с первой до последней страницы анализируемого произведения Аарон – это мудрый наставник входившей во взрослую жизнь девочки, „учение” которого, точно также как и некогда для плененных израильтян, будет составлять тот нравственный фундамент, который позволит ей выдержать самые тяжелые испытания. В данном контексте существенную роль выполняет в рассказе и параллельная (в структурном и семантическом планах) как к судьбам всей семьи, так и к основной сюжетной линии Лили и Бодрика, древняя история конфликта Амана и Мордехая⁷. Ее символический смысл, который был вполне ясен для бабушки и дедушки, воспитавших Лилию

„(...) ежедневно готовые к аресту, высылке, чему угодно, ученые профессора медлили уходить из столовой, общей комнаты, где болел старик, к своим обычным научным занятиям, а садились в кресла (...), и вслушивались в старческое распевное воркование: речь шла о Мордехе и Амане” [195], на сей

---

⁷ Аман был первым министром персидского царя Ахашвероша и велел всем находящимся у царских ворот падать ниц перед ним. Однако Мардохей никогда не кланялся ему как амаликитяну, поскольку Бог прямо сказал, что «будет воевать с амаликитянами из поколения в поколение» (Исх 17:16). Амана это приводило в ярость. Решив, что мало уничтожить одного Мардохея, Аман добился того, чтобы царь издал указ об уничтожении всех иудеев в Персидской империи (Эсф 3:5–12). Узнав об этом, Мардохей объяснил жене царя Эсфири, что на ней лежит серьезная ответственность, и велел ей умолять царя о благосклонности и помощи (Эсф 4:7–5:2). Ей удалось изобличить Амана в том, что он оклеветал иудеев и составил план, осуществление которого причинило бы ущерб царю. Разгневанный Ахашверош приговорил Амана к смерти и приказал повесить его на 22-метровом столбе, который тот приготовил для Мардохея (Эсф 7:1–10). В этот же день (13 адара), назначенный Аманом для истребления иудеев, жители Персидской империи бывшие еще во всеоружии, приняли иудейскую веру. Тем не менее, в ответ на запланированный Аманом погром иудеи истребили по всей империи более 75000 врагов, включая десять сыновей Амана (Эсф 8:1–9:18).

раз передается последнему звену, самому младшему члену семьи как бы в наследие, в качестве взбадривающего наставления и заодно предостережения:

– Другие придут, и отомстят, и убьют Мордехая ... – с тоской проговорила девочка. – Ну конечно, – неизвестно почему обрадовался прадед, – конечно, так все потом и было. Пришли другие, убили этих, и опять. Вообще, я тебе скажу, Израиль жив не победой, Израиль жив ... – Он приложил левую руку в филактериях ко лбу и поднял пальцы вверх: – Ты понимаешь? – Богом? – спросила девочка [197].

Подтверждением этому является реакция бабушки и дедушки Лили на Ветхозаветный сюжет, наводящий читателя на мысль о драматической аналогии времен, проявляющейся в таком же безумии власти. Как их предки, по указу Амана, ожидавшие погрома в вавилонском плену, так и они сейчас „улыбались друг другу, тосковали и молчали о том безумии, в которое окунались каждый день за порогом своего дома ...” [195]. В данном контексте атеистический рационализм Беллы Зиновьевны и ее мужа Александра Аароновича („поклонялись они лишь одному картонному богу – изворотливому факту” [195]), а также преданность их сына сталинскому режиму („Он занимал большую, но неопределенную должность, жил на северо-востоке, за Полярным кругом (...).” [196];

На узкой кушетке в своем подмосковном доме, укрытый до половины старым солдатским одеялом, лежал мертвый человек. Но было еще только второе марта, и пройдет несколько огромных дней, прежде чем выйдет на деревянные подмостки Лилечкин отец, сын приличных родителей, отекающий, с черным от горя сердцем и невинно-голубыми погонами⁸ и объявит (...), – о том, что он умер (210),

следует синтерпретировать как современное и аналогичное описанному в книге Есфирь проявление *profanum*, т.е. вторичного язычества, которое допустили израильтяне в стране царя Артаксеркса⁹. В обоих случаях потеря *sacrum* бо-

⁸ Цвет погон указывает на то, что он охранник или начальник охранной команды в ГУЛАГе.

⁹ См. *Ветхий Завет: Книга Есфирь* 4, 17: „Ты, Господи, избрал себе Израиля из всех народов и отцов наших из всех предков их в наследие вечное, и сделал для них то, о чем говорил им. И ныне мы согрешили пред Тобою, и предал Ты нас в руки врагов наших за то, что мы славили богов их: праведен Ты, Господи! А ныне они не удовлетворялись горьким рабством нашим, но положили руки свои в руки идолов своих, чтобы ниспровергнуть заповедь уст Твоих, и истребить наследие Твое, и заградить уста воспевающих Тебя, и погасить славу храма Твоего и жертвенника Твоего, и отверзть уста народов на прославление тщетных богов, и царю плотскому величаться вовек.”

лезненно сказала на их дальнейшей судьбе как нации живущей под постоянной угрозой смерти, – физической и духовной. Именно поэтому единственным другом и наставником героини рассказа как личности чистой, незараженной грешной атеистической убежденностью в превосходстве человека над миром является старый сапожник, не ученый, а глубоковерующий, простой человек. Такой же скромный, как его ветхозаветный тезка, экзистенция которого из-за своей ориентации на вечное, таким образом, не ограничивается *profanum* настоящего. Он – глава семьи, вполне осознающий факт невозможности передать свои знания и верования ни рационалистически мыслящим детям, ни тем более внуку – идолопоклоннику (о чем далее). Нетрудно догадаться, что его единственной надеждой, гарантией непрерывности наследства оставалась внучка, заполнившая пустое место после своего отца. Именно благодаря полученным от Аарона ветхозаветным историям, показывающим на связь поколений и времен, она обретает душевный покой: „И только под боком у прадеда, пахнущего камфарой и старой бумагой, она освобождалась от тягостного наваждения” [194]. Неслучайно в анализируемом рассказе члены семьи именно от прадеда получают особое чувство семейного очага и опору для выживания, ведь история семьи Жижморских и является фоном сюжета. Как справедливо заметил критик Михаил Золотоносов, „предыстория – не орнамент, она объясняет генезис характера (...) героя, заложенные в нем коды – нравственные, поведенческие”¹⁰. Все те ценности, которые героиня впитала в семье, связаны с *sacrum* дома, который в тексте обретает знаковый символический характер. В уютном, старинном доме еще не прервалась связь с прошлым: культурой, искусством, литературой. В нем звучит другая музыка, читают другие книги, могут

играть Шуберта на плохоньком дачном инструменте, купаться в послеобеденные часы в кувшинчатой темной речушке, пить чай из самовара на деревянной веранде в косых лучах заходящего солнца, вечером читать Диккенса или Мериме [196].

По своему укладу семья Жижморских напоминает идеальные семьи в произведениях русских классиков.

В анализируемом тексте героиня изображается не столько как ребенок, сколько подросток, готовый войти в жизнь с тем багажом знаний, которыми снабдила его именно семья, так как согласно дефиниции:

Детство, детский возраст – период жизни человека от рождения до отрочества (...) В этот период ребенок проходит величайший путь в своем развитии

---

¹⁰ М. Золотоносов, *Мужчина ее мечты*, „Московские новости” 2004, № 5 (13 февр.), с. 7.

от беспомощного существа, не способного к самостоятельной жизни, до вполне адаптированной к природе и обществу детской личности, уже способной взять ответственность за себя, своих близких, сверстников¹¹.

Именно в детстве формируется и закладывается фундамент личности, а также определяется та система ценностей и жизненных установок, которые будут сопровождать человека всю его жизнь. Также для Лили Жижморской, русской еврейки, нет ничего естественнее, чем ощущение любви и защищенности в своей семье.

Следует подчеркнуть, что в анализируемом рассказе взросление Лили Жижморской показано в совокупности его нравственного и физического аспектов. Однако, прежде чем углубиться в соотношения между ними, отметим, что физиологическая сторона человеческой жизни, которая в анализируемом тексте особо экспонируется повествователем (мотив предмесячной тошноты и болей [194], а также самых месячных [209]), в любой культуре, а в особенности, что касается иудаизма и христианства, тесно связывается с вопросом о *sacrum* и *profanum*. К сфере последнего относится и менструация, которая в *Ветхом Завете*¹² связывалась с нечистотой (Лв 12:2; Иез 22:10; 36:17), на что указывает форма еврейского слова *niddá* („менструальная нечистота”, Лв. 15:25, 26) и болезнью, от еврейского понятия *давэ*, которое может обозначать болезнь и болезненные ощущения (Пл 5:17) и определяет „женщину во время менструации” (Лв 15:33; Иса 30:22). В Библии физическая чистота или нечистота соответственно служит символом духовной характеристики. Базируя именно на примере физической чистоты, Иисус разоблачал духовную нечистоту и лицемерие фарисеев. Он сравнил их притворство с тем, как чашу и блюдо очищают снаружи, оставляя их грязными внутри (Мф 23:25, 26) и т.д.

Мотив приближающейся физической нечистоты героини рассказа приобретает более глубокий смысл, относящийся к библейскому напоминанию об унаследованном смертном грехе и касающийся предельного ощущения собственной телесности. И так, если в Библии физическая чистота равнялась чистоте духовной, то, казалось бы, сходным образом ее олицетворением в тексте

¹¹ А.В Мудрик, *Социальная педагогика: Учеб для пед. Вузов*, Москва 2002, с. 200.

¹² По Моисееву закону, во время менструации женщина считалась нечистой семь дней. На восьмой день она приносила двух горлиц или двух молодых голубей священнику, который совершал ее искупление (Лв 15:19–30). В Библии приводится около 70 причин физической и ритуальной нечистоты. В том числе: прикосновение к трупам (Лв 11:32–40; Чс 19:11–19); к нечистым людям или предметам (Лв 15:4–12, 20–24; Чс 19:22); проказа (Лв 13:1–59); истечения из половых органов; роды (Лв 12:1–5); употребление в пищу мяса нечистых птиц, животных или рыбы (Лв 11:41–47). Нечистой становилась также земля, оскверненная убийством и идолопоклонством (Чс 35:33, 34; Иез 22:2–4; 36:25).

Улицкой должны оставаться невинная девочка и глубокорелигиозный, пожилой Аарон. Однако приобщение героини к *profanum* собственной физиологии, как постоянный элемент женской судьбы, ведет в метафорическом смысле не только к уходу из жизни ее прадеда (как бы избежавшего этим приобщения к нечистому), но и проецируется на драматические судьбы русского народа, в том числе и на евреев.

И так, наряду с „отвратительным”, физическим созреванием героини слабеет ее прадед:

Она посмотрела на свои спущенные штаны и увидела на их поднебесной синеве кровавое тюльпановое пятно. (...), со стекленеющим сердцем стала ждать смерти ... А смерть, подгоняемая ожиданием действительно входила в дом. На ковровой кушетке делал последние редкие вздохи старый сапожник Аарон [209],

а народ приближается к болезненному, переломному моменту в процессе своего „взросления”. Доселе безличный и безмолвный („многотысячного серого прямоугольника (...) теряющегося в обесцвеченной (...) дали на пестреньком плакате в торце Лилиечкиного класса” [210]), уже подospel к переменам и, вероятно, готов избавиться от своего „детского”, незрелого, болезненного состояния. Особый параллелизм намечается также между духовным созреванием Лили, проявившемся в героической и окончательной расправе с „врагом” („В дворницкой на железной кровати лежал Бодрик. У него было сотрясение мозга средней тяжести” [209]) и внутренним прозрением присутствующих у изголовья Аарона его сына и снохи, вдруг осознавших бессмысленность своих рационалистических убеждений: „Дети его, профессора, обремененные многими медицинскими познаниями, такими громоздкими и бессмысленными, стояли у его изголовья” [209]. Исходя из вышесказанного, следует отметить, что постмодернистская установка Улицкой, состоящая в умении заигрывать смыслами и таким образом раскрывать во внешне заурядном явлении что-то новое и глубокое, проявилась и в данном рассказе. Поскольку мотив порогового состояния героини между детством и зрелостью способствует возникновению особой вереницы смыслов, казалось бы, внешне не связанных с взрослением девочки, но явно передающих мысль об отсутствии случайности в человеческой жизни и в связи с этим особой взаимосвязи лиц и судеб. Но прежде всего о превосходстве того мировоззрения, которое предполагает присутствие какой-то Высшей силы, вера в которую позволяет освободиться от настоящего и с уверенностью взглянуть не только в тайну жизни, но и смерти. Об этом свидетельствует также завершение анализируемого текста, в котором конец детского периода жизни героини метафоризируется как

„смерть” и проецируется на экзистенциальную картину еще двух дословных и двух условных „смертей”. Ведь неслучайно констатация Лили по поводу появления месячных „Я умираю” [209] одновременно совпадает с кончиной прадеда, смертью Сталина, упоминанием об отце, а также болезнью Бодрика. При этом, несмотря на их прямое значение, каждый из упомянутых фактов содержит в себе смысл конца, порога и коренной перемены, подтверждая авторское желание указать, путем антагонистического противопоставления вечное/преходящее, *sacrum/profanum*, смысл этих же извечных коллизий, открывая при этом семантическую перспективу всего произведения в сторону вечного. Естественным образом, в данном плане особой и самой главной оказывается смерть Аарона как главы семьи, личность которого составляет ее духовный стержень. Даже место, в котором он лежал, обретает сакральное значение. Оно для детей свято, это их „небывалый оазис” [195] среди духовной пустыни. Именно от прадеда члены семьи получают особое чувство семейного очага и опору для выживания. Поэтому в данном случае смерть коннотируется не как „умирание”, а рождение к вечному и противостояние переходящему, олицетворением которого является все государственное. Префигурацией последнего является Великий Кормчий, олицетворение того, что насильственное, случайное и временное. Его смерть для одних, например, детей Аарона, обозначает конец безумия, т.е. дела „врачей-отравителей (...) мистического страха перед их злоумышлениями, охватившего миллионы людей. (...) страха, гнусности и чертовщины” [195], а также ежедневной готовности „к аресту, высылке, к чему угодно” [195]. Однако, для других, таких как их сын (имя которого не называется впрямую [196] точно также как и имя Сталина), смерть вождя обозначает собственную смерть как человека, преданного его делу. Впрочем, для собственной дочери он умер уже давно, с момента, когда пятимесячную, больную отдал ее своим родителям и на этом кончились его отцовские обязательства: „Старшую свою дочь, Лилю, сын привез в сорок третьем году в Вятку, в военный госпиталь, где родители его по двенадцать часов стояли у операционного стола. Девочке было пять месяцев, она весила три килограмма, была похожа на высохшую куклу (...) так и осталась у бабушки с дедушкой. Заново рожденная к славной доле профессорской внучки” [196]. Такой же условной „смертью” в сознании Лили Жижморской „умирает” Бодрик, который „нравился ей минувшим летом” [205], оказался впоследствии ехидным преследователем (и поэтому справедливо наказанным ею).

Суммируя, отметим, что наставления прадеда не оказались для героини рассказа Улицкой лишними. Функционируя в центре сотворенного Сталиным адского мира, Лили Жижморская, с одной стороны, представлена как предельно чуткая, безвинная жертва тоталитарного *profanum*, его грязи и несправедливости:

Любой взрыв смеха, оживления, любой шепот – все казалось Лиле направленным против нее. Какое-то темное жужжане слышала она вокруг, это было жукастое черно-коричневое «ж», выползающее из слова «жидовка». И самым мучительным было то, что это темное, липкое и смолистое было связано с их фамилией, с дедом Аароном [198],

а с другой, как взбунтовавшаяся личность, которая, в отличие от классического образца „маленького человека”, способна на подвиг во имя права на жизнь и сохранения национального достоинства. Несмотря на то, что демонстрируемая автором заодно слабость и сила еврейской девочки проявляются в конкретных исторических условиях, то учитывая весь набор ветхозаветных мотивов в тексте рассказа, эти черты оказываются неслучайными. Можно даже предположить, что трехдневные испытания Лили оказываются своеобразной современной проекцией упомянутых раньше архетипических древних сюжетов. Неслучайно ее искупленная многочасовым унижением, стыдом („стояла напротив со скорбно-семитским лицом – высоким переносьем тонкого носа, книзу опущенными наружными углами глаз, с нежно-выпуклым ртом, с тем самым лицом, знакомым лицом ... – А зачем ваши евреи нашего Христа распяли? – спросил он ехидным голосом” [203]), а также страхом, непониманием и отвращением, победа над хулиганом – преследователем („Она все кидала его о стену, пока вдруг ярость ее, как надувной красный шар, не оторвалась от нее и не улетела. Тогда она отпустила его и, повернувшись незащищенной спиной и вовсе не думая о возможном нападении сзади, беспрепятственно ушла в свое парадное...” [205]) получает более глубокий смысл в контексте ветхозаветных упоминаний о Аароне, Данииле, Гедеоне и Мордехеае. Ее хождения не завершаются трагедией благодаря присутствию другой менее отчетливой, но в идейном плане более важной сюжетной линии, позволяющей все случившееся соотнести с вопросом о вечном как проявлении *sacrum*. Постмодернистская склонность Улицкой к игре архетипами и культурными кодами заставляет читателя взглянуть на реальные коллизии именно сквозь призму *sacrum*, элементы которого вполне заметны на протяжении всего повествования и, в основном, относятся к мифологемам дома и семьи.